

Сквозь призму тысяч страниц

Почти пять лет назад ушла из жизни Екатерина Владимировна Дубро — наша талантливая писательница, мужественная и сильная духом женщина.

И мы, участники «Фонда Дубро», все эти годы работали с её объёмным личным архивом, литературным наследием, приведением в порядок литературных, научно-популярных и других журналов, которые она получала по подписке в течение десятков лет.

Я все эти годы занималась с личным архивом. Большую часть его составляет почта Екатерины Владимировны — более шести тысяч писем, сотни телеграмм от её читателей, коллег, друзей, а также черновики ответов Кати на многие из них в рукописи или копии в печатном виде.

География почты за 45 лет — от Калининграда до Хабаровска, это по России. Немало почты из бывших союзных республик СССР: Белоруссии, Украины, Молдавии, прибалтийских, среднеазиатских. Есть письма, открытки из Болгарии, Венгрии.

И все они проходили через руки и сердца девочки Кати в далёкие 60-е годы, затем — с конца 60-х — до начала 80-х — молодой девушки, а потом — уже Екатерины Владимировны.

Больше количество писем она получила в сентябре — декабре 1962 года, после публикации очерка о девочке Кате из Юрги в газете РСФСР «Литература и жизнь» пятого сентября и передачи «Девочка с мужественным сердцем» по всесоюзному радио тридцатого сентября. Тогда имя Кати Дубро впервые прозвучало на всю нашу страну. 2085 писем от школьников, студентов, работающих и неработающих, мужчин и женщин, здоровых и больных. В каждом из них строки восхищения стойкостью и силой духа Кати.

В почте около 400 писем — переписка Кати с инвалидами. Этой категории авторов она всегда отвечала прямо, хотя, может быть, нередко и жёстко...

Так, другу юности Володе (1963 г.) 16-летняя Катя пишет: «...вы лишь стараетесь обратить внимание на своё положение, думаете лишь о своей болезни, о своей ненужности, что всё кончено. Я всегда буду утверждать, что нетрудоспособными являются лишь мёртвые». И в этом вся Катя. Не раз в её письмах читаешь слова гордости тем, что она зарабатывала себе трудовую пенсию, отработав после окончания средней школы швей-надомницей более года (один год и три месяца), будучи кроватной больной.

В письме Черемновой Т. (1983 г.) в дом-интернат Екатерина пишет: «...нам, инвалидам,

надо обладать умением жить в обществе, в коллективе. И не от своих личных потребностей исходить во взаимоотношениях с другими, но прежде всего от возможностей их — других».

После выхода из печати первых книг в поступающей корреспонденции преобладали теперь письма от её читателей. Около 500 писем — отклики на сборники рассказов «Вернусь звездпадом», «Медленные часы», «Второе начало» и другие. Читатели восхищаются её талантом, выражают автору благодарность за творчество. Так, Гололобова Т.В. (1976 г.) из г. Мыски пишет: «Рассказы... заставляют нас задуматься над тем, как мы живём, зачем живём, пусть тревожат они наши души, заставляют мечтать». А заключённый Богданов Е.Л. явно потрясён: «Неужели Наташа из «Белого листка» это ты? — Не верится, слишком тяжело для правды, где «... еж и то держу правую руку с левой — левой». Господи, да если хоть сотая часть это о тебе, то ты огромный молодец! Катя, ты сама как потрясающий рассказ, — вот и пиши о себе, дай по ушам всем нам, чтобы мы не ныли по пустякам, чтобы было стыдно перед тобой за наши озлобления от мелких неудач или уколов судьбы».

Переписка с заключёнными (565 писем) вообще занимает особое место в её переписке. Это письма из колоний Кузбасса, Новгородской, Псковской областей и других. На их письма Екатерина Владимировна отвечала всегда, и это при том, что с некоторыми из них переписка длилась десятки лет. Поговорить «за жизнь», пообщаться с писателем, тем более с девушкой, пофилософствовать о смысле жизни, пожаловаться на несправедливое отношение к ним общества готовы были многие.

И Екатерина Владимировна спорила с ними, убеждала, доказывала. На письмо Каримова В.В. (1979 г.) она пишет: «На жизнь смотрю так: жить надо как можно полноценнее, чтобы побольше узнать, побольше сделать нужного, чтобы от твоего существования что-нибудь сдвинулось в окружающем мире (кому-то помочь, помешать злу

и т.д.), определить свои возможности в этой жизни и реализовать их в деле». Из письма (1982 г.) в зону Бондареву В.В.: «Объяснения своим несчастьям надо искать в себе, а не в обстоятельствах и в других людях, как вы». И далее: «...нравственный максимум по отношению к себе, но не к другим людям. С себя надо начинать».

А некоторым заключённым письма Екатерины Владимировны помогли держаться в зоне. Вот строки из письма Прасковьи Илларионовны — матери заключённого Бондарева:

«Катя, милая умница, сын мне рассказывал, как вы ему писали в тюрьму. Он освободился, но уже почти год лежит в больнице. Письма ваши бережёт, как зеницу ока. Мне говорит, что с вашими письмами для него быстрее проходило время его заключения. Напиши ему, он ожидает». И приписка самого Валерия: «Катенька, напиши хоть два слова». Замечу, и мама, и Валерий коренные москвичи.

Более тысячи писем — переписка с коллегами по творческому цеху, с издательствами и редакторами газет и журналов, её литературным редактором Глебовой Л.В., руководителями областной писательской организации.

Тем, кто далёк от литературного творчества и работы с набором и правкой текста, даже трудно представить, какая это изматывающая работа даже для здорового человека. А для Екатерины единственным средством был только телефон. Но она боролась со своим редактором за каждое слово в своих текстах. «Все пожелания я учла. Поэтому, если будут правки, то хочу быть поставлена в известность до того, как сдвигут в набор. И чтобы ничего — ни одного слова, ни фразы, ни восклицательного знака не добавлять!» — пишет она (1974 г.) своему редактору

Людмиле Владимировне Глебовой.

Пятьсот писем и телеграмм — переписка с друзьями детства и юности, сверстниками, школьными учителями Р.Н. Оботниной, З.Г. Ушаковой, М.Я. Феденёвой и другими.

Многие годы Екатерина Владимировна поддерживала связь с музеями: «корчагинцев наших дней» и «сильных духом» г. Сочи, Залесской школы-интерната в Крыму, а также с одним из Болгарии.

Часть писем в почте (около 300) авторов, которые писали Екатерине Владимировне о себе и своих жизненных проблемах, жаловались на жизнь, просили совета. Но сколько же негатива было в них?! Автор одного из писем так и говорит: «Катя, опять к тебе, как кладезю чужих бед и неудач». И она отвечала многим авторам, помогала им словом выбираться из сложных ситуаций, решать, казалось бы, неразрешимые проблемы.

Письма читателей для Екатерины Владимировны, четыре десятилетия прикованной к кровати тяжёлым недугом, были своеобразными нитями связи с миром, который существовал за стенами её замка «Одиночество». И она этими нитями очень дорожила.

О своём сложном быте, проблемах со здоровьем она делилась только с самыми близкими. И мурашки ползут по коже, когда читаешь в одном из писем близкой подруге о том, каких усилий стоит ей принять обычную ванну: с негнущимся телом, с большими руками и ногами, на коляске ей требовалось 6-7 часов на всю процедуру — от кровати в ванную и обратно до кровати.

Читая почту Екатерины Владимировны, сквозь призму тысяч страниц писем явственно видится образ незаурядного человека — человека с активной жизненной позицией, высочайшей гражданской ответственностью.

Она была честной до беспощадности, скромной в быту до аскетизма. Человек независимый и жизнестойкий — Екатерина Дубро щедро отдавала людям своё доброе сердце.

Мы, юргинцы, вправе гордиться Екатериной Владимировной — первой профессиональной писательницей города, Почётным гражданином Юрги.

Р. БЕРДНИКОВА,
председатель
попечительского совета
«Фонда Дубро».